

DOI 10.32726/2411-3417-2019-3-115-129

УДК 94

Антон Крутиков

«Пока наша власть не окрепнет» Большевики и украинский национальный вопрос в 1917–1923 гг.

Аннотация. Потрясения Русской революции и Гражданская война оказали определяющее влияние на развитие украинской нации. Современные попытки избавиться Украину от «имперских наслоений» делают особенно актуальным обращение к реальному историческому опыту большевиков, реализовавших в 1917–1923 гг. свой собственный национальный украинский проект. Рожденный партийно-государственной машиной РСФСР, он стал культурным измерением «битвы за Украину» и на многие десятилетия предопределил характер украинской государственности.

Ключевые слова: *Украина, украинский вопрос, Русская революция, Гражданская война, украинизация, национальная политика, национальное самосознание.*

Современная украинская политика в области исторической памяти обнаруживает странное и на первый взгляд необъяснимое противоречие. Демонстративный разрыв с советским прошлым и масштабная, невиданная по размаху на постсоветском пространстве кампания по декоммунизации вполне мирно соседствуют с прагматичным усвоением (и присвоением) достижений предыдущей эпохи. Это странное сочетание доказывает лишь одно: существующая на Украине система вовсе не собирается прерывать традиции старой советской национальной номенклатуры, которая, претерпев незначительные метаморфозы в 1990-е годы, по-прежнему неотделима от действующей украинской власти.

Двойственная природа современного украинского государства, как и незавершенность самого процесса создания украинской политической нации, не раз отмечалась российскими и зарубежными исследователями [Неменский, с. 26; Шульга, с. 10]. Подобная двойственность сегодня все чаще проявляет себя на фоне широко известных и легко узнаваемых политических символов.

Далеко не случайно Верховная Рада Украины — центральный элемент современного украинского парламентаризма — до сих пор заседает в здании Верховного Совета УССР, построенном в 1939 г. талантливым советским архитектором Владимиром Заболотным. Едва ли этот выдающийся зодчий и лауреат сталинской премии мог предпо-

---

Сведения об авторе: КРУТИКОВ Антон Алексеевич — историк, научно-просветительский проект «Западная Русь», bialyorz1000@gmail.com.

ложить, что внесенные им в композицию «национальные мотивы» окажутся настолько востребованы через 75 лет, когда вокруг здания и внутри него будут проходить нешуточные политические баталии. А демонтаж пятиконечной звезды с его шпиля в феврале 2014 г., хотя и выглядел эффектно (и был, разумеется, неизбежен), остался фактически единственным явным вмешательством в доминирующую в его композиции эстетику сталинского неоклассицизма.

Наблюдая за нынешней трансформацией украинского государства и его символов, трудно не согласиться с мнением российского социолога Л. Д. Гудкова о том, что советское прошлое «уходит из Украины», но происходит это, по словам руководителя «Левада-Центра», слишком «медленно» [Украина снимает Ленина...].

Зримые свидетельства советского присутствия остаются и в названиях улиц и площадей (которые пощадил закон), и в определенной мере в пантеоне национальных героев, который сложился еще в советскую эпоху. С 2015 г. на Украине действует закон «Об осуждении коммунистического и нацистского режимов», запрещающий пропаганду советской символики. В частности, он предполагает переименование городов и улиц, названных в честь государственных деятелей времен СССР. Однако, вопреки официальному запрету, многие исторические названия и после принятия этого закона сохранились.

Даже прошедший в 2014–2015 гг. на Украине повсеместный «ленинапад» оказался вовсе не однозначным явлением. Переделка памятника В. Ленину в памятник гетману Пилипу Орлику в с. Новониколаевка Запорожской области (в ходе которой в руках у персонажа появилась украинская трубка, а сам он был облачен в шаровары) заставляет задуматься о еще не исследованных специалистами глубинных пластах украинской политической культуры, которая, несомненно, сочетает в себе европейский прагматизм и непредсказуемость «загадочной русской души».

Бесконечное прощание с «советской империей» с 2014 г., принимая самые разные формы, оставалось мейнстримным направлением украинской исторической политики. Такой подход к собственному прошлому, реализуемый одновременно с принятием декommунизационных законов, по мнению украинского руководства, необычайно полезен, так как «актуализирует политику национальной украинской памяти». На презентации нового законодательства в мае 2015 г. из уст лидера страны Петра Порошенко прозвучали и более откровенные заявления. Государство Украина, по его словам, «свое дело сделало. Сейчас дело историков» [Порошенко...].

Украина в XX в. действительно накопила огромный опыт в области собственного нацистроительства. Пожалуй, ни одна из стран Центральной и Восточной Европы не пережила в этот период такого количества экспериментов над собственными языком, культурой и государственностью. А так как этот путь далеко еще не пройден до конца, исследование данного опыта сегодня представляется особенно актуальным.

Понимание процессов, происходящих сегодня на Украине, невозможно без объективной оценки событий Гражданской войны 1917–1922 гг. и ее роли в становлении

украинской нации. Даже масштабная украинизация 1923–1928 гг. не принесла стране столько перемен — культурных, социальных, демографических, — сколько принесли драматические события, следовавшие за Февралем и Октябрем 1917 г.

Накануне революции 1917 г. Юго-Западный край Российской империи представлял собой регион с наиболее консервативным, традиционалистски настроенным и лояльным правительству населением. Местный национализм, хотя он и доставлял определенные хлопоты российским властям, в подавляющем большинстве случаев носил «этнографический» характер и был исключительно уделом интеллигенции. На днепровском правобережье, сплошь покрытом польскими латифундиями, высший класс составляли магнаты-сахарозаводчики и крупные землевладельцы, весьма чуждые по своей культуре местному населению. Средний класс в городах составляли русские офицеры и чиновники и еврейские торгово-промышленные круги. Полное отсутствие здесь местной «национальной» буржуазии ставило под сомнение любые попытки украинских революционеров и политиков создать на этих землях хоть сколько-нибудь жизнеспособный украинский национальный проект.

Подтверждением этому служат результаты выборов в Государственную Думу 1907–1912 гг., когда именно в малороссийских губерниях, в том числе, как ни удивительно это сегодня выглядит, на Волыни, русские национальные партии неизменно одерживали убедительную победу [Зеленковский, с. 15]. Оценивая результаты думских выборов 1907 г., председатель Киевского клуба русских националистов А.И. Савенко отмечал: «В то время, как великороссийские губернии даже в Третью Думу послали в значительном числе революционеров, Малороссия послала в Таврический Дворец почти сплошь русских националистов, [...] великороссийская Москва и Петербург служат оплотом революции, центр Малороссии — Киев — служит центром всего общерусского патриотического движения» [Котенко, с. 9].

С ним был полностью солидарен уроженец Волынской губернии, крестьянин и депутат Государственной Думы от фракции националистов М.С. Андрейчук, называвший любые попытки вмешательства в «украинский вопрос» бесперспективными: «Всякую украинофильскую пропаганду мы отвергаем [...] Мы, малороссы, как и великороссы, суть люди русские, а гг. Милюкову, Родичеву и Лучицкому говорим: продолжайте вашу заботу о том племени, служить которому вы призваны, а украинского народа не касайтесь» [Омельяничук].

Волынь и ее главная духовная святыня, знаменитая Почаевская лавра, в 1900-е годы стали центром русского правомонархического движения. По количеству членов «Союза русского народа» Волынская губерния уверенно лидировала в Российской империи, а в целом на Малороссию приходилось не менее 2/3 от общего числа членов этой политической организации.

Если принять во внимание уже начавшуюся тогда успешную реализацию нового курса П.А. Столыпина на создание «Великой России», разработанного не без участия киевской интеллигенции, интрига с украинским национальным проектом к 20–30-м го-

дам XX в. скорее всего ушла бы в небытие. Естественное развитие этой интриги прервала Русская революция, дав украинскому проекту шанс, о котором его сторонники не могли даже мечтать.

Украинская литература, печать, национальный украинский театр в начале XX столетия оставались своеобразной «экзотикой», легко узнаваемой, но имевшей крайне немногочисленных приверженцев. Даже знаменитый херсонский помещик и меценат, спонсор украинских газет и журналов Евгений Чикаленко в 1906 г. был вынужден пожаловаться на своих земляков: «Язык нашей газеты для них совсем чужой, он вызывает возмущение даже тех людей, которые искренне хотели бы, чтобы развивалась наша пресса» [Шевельов]. А не менее известный правый депутат Государственной Думы граф В.А. Бобринский не без сарказма замечал: «Разве кто-нибудь понимает из малороссов газету “Діло”, кроме того узкого кружка, который ее читает? Конечно нет!» [Соколов]

Напротив, общерусская культура на юго-западных окраинах Российской империи в начале XX столетия, особенно в образованной городской среде, переживала очередную бурный расцвет. Филолог-славист А.С. Будилович, историки Т.Д. Флоринский, Ю.А. Кулаковский, А.В. Стороженко, литераторы К. Г. Паустовский и М.А. Булгаков и, наконец, родившийся в Киеве М.А. Волошин (Кириенко) оставили заметный след в единой русской культуре.

В 1910 г. И.А. Сикорский (отец знаменитого авиаконструктора), выступая на собрании перед выборами в киевскую городскую Думу, отмечал: «Значение центра русской национальной жизни начинает переходить к Киеву, и на киевлянах лежит высший долг перед городом и родиной: мы должны укреплять возникшую здесь русскую твердыню» [Сборник...].

Оценивая эти высказывания, невозможно игнорировать тот факт, что российский правящий класс и интеллигенция традиционно рассматривали Малую Русь, как органическую часть русского культурного, политического и исторического пространства.

Древний Киев, который еще император Александр II называл «Иерусалимом земли русской», всегда оставался неременной целью для посещений представителей российской императорской фамилии. Любимый город вдовствующей императрицы Марии Федоровны ежегодно притягивал десятки тысяч паломников, поражал своей историей, архитектурными памятниками и религиозными святынями. По меткому выражению В.О. Ключевского, русский народ и в начале XX в. «помнил и знал» старый Киев «с его князьями и богатырями, с его св. Софией и Печерской лаврой», бережно хранил и любил его историю [Ключевский, с. 211].

Со времен Петра и Елизаветы российская элита ни на минуту не забывала о почетном статусе города на Днепре как первой общерусской столицы и неизменно оказывала ему свои знаки внимания. Заложенный Елизаветой в 1744 г. Мариинский дворец со временем превратился в официальную императорскую резиденцию — именно здесь вдова императора Александра III встретила весть об отречении своего сына. Любил

посещать эти места и последний российский монарх, а трагические события, произошедшие на берегах Днепра 1 сентября 1911 г., стали для современников первыми предвестниками будущего крушения империи¹.

По странной иронии, новейшая история страны превратила киевскую императорскую резиденцию сначала в штаб-квартиру Киевского совета рабочих и солдатских депутатов, а в наши дни — в дом приемов украинского президента, словно доказывая тщетность любых попыток разорвать преемственность и историческую связь между эпохами.

Как случилось, что древний Киев, не знавший военных приготовлений со времен Мазепы и Карла XII, стал эпицентром борьбы между сторонниками Центральной Рады и рабочими завода «Арсенал»? Каким образом патриархальная Волынь, которую ещё А.И. Куприн называл «медвежьим углом» Российской империи, стала центром украинского национализма? Куда подевался образованный слой русских администраторов, польских аристократов и сахарозаводчиков, чешских промышленников и пивоваров, киевской профессуры Университета Св. Владимира и городской интеллигенции?

Революция смела все это, равно, как и прежнюю «малороссийскую» Украину. Та исчезла вместе с «сахарными заводами Высоцкого», «чайной фабрикой Бродского», имением «Аскания-Нова», дворцами Потоцких, Грохольских и Тарновских.

В годы Гражданской войны тотальная архаизация и «децивилизация» общества привели к слому его прежней социальной структуры и ее максимальному упрощению. Особенно пострадали городские круги, но не только они. Социальный конфликт достаточно быстро приобрел яркую национальную окраску, и в наиболее уязвимом положении оказались те национальные группы, которые до 1917 г. занимали на Украине преобладающие (в том или ином отношении) позиции. В данном случае речь идет в первую очередь о еврейских и польских кругах. Неудивительно, что для многих современников аллюзии с украинской «Руиной» XVII столетия и эпохой гайдамацких восстаний в XVIII в. напрашивались сами собой. Позднее, уже после революционных потрясений 1917–1920 гг., это дало повод известному польскому историку Ф. Равите-Гавронскому с горечью отметить: «Исчезла прежняя, древняя Русь и возникла шумная и беспокойная, какая-то некозацкая Украина, словно лозунг с агитационного плаката» [Rawita-Gawroński, s. 11].

«Как и всюду в бывшей царской империи, старый мир ушел в прошлое». Этот вывод известного канадского историка украинского происхождения Ореста Субтельного как нельзя лучше описывает ситуацию, сложившуюся на Украине в послереволюционную эпоху.

Разумеется, столь серьезные перемены не могли произойти спонтанно. Они были обусловлены борьбой между рожденными революцией различными социально-политическими проектами и их сторонниками как в России, так и на Украине.

---

¹ Покушение на П.А. Столыпина 1 сентября 1911 г. для многих современников означало утрату надежды на успешное завершение реформ и послужило прологом революционных потрясений.

По мнению современного белорусского историка И.Ф. Зеленковского, «Слом государственности облегчило то обстоятельство, что к тому времени русская нация имела еще не до конца оформившуюся национальную элиту. То есть, русская интеллигенция и чиновничество были только в процессе отхода от безоговорочно европейской ориентации, а соответствующая вызовам времени русская идея была на начальном этапе создания. <...> Это обстоятельство и привело русский народ к катастрофе Февраля/Октября 1917 года, в результате которой изначально пострадала прежде всего русская национальная элита в Великороссии и, возрождавшаяся западнорусская на Украине и в Белоруссии. Русская национальная элита или вынуждена была эмигрировать (до 2 миллионов), но в основном была уничтожена несколькими волнами государственного террора» [Зеленковский, с. 17].

Очевидно, что в этих новых условиях элитам, выдвинутым революцией, пришедшим на смену аристократическим и бюрократическим кругам, понадобились совершенно новые политические приемы и методы борьбы. Для управления массами (заменившими народ) в ход пошли яркие и в то же время простые лозунги, призывавшие аполитичных в недавнем прошлом граждан к социальному раю и национальному освобождению. Издержки этой политики, провозглашавшей построение внеклассового общества и воспитание на его базе «нового человека», в первое время представлялись ее организаторам совершенно несущественными.

Самые разные политические силы, от национально ориентированных партий, до меньшевиков, украинских эсеров и анархистов, с энтузиазмом приступили к созданию на Украине собственных властных структур.

Российские и зарубежные историки Гражданской войны подсчитали, что в 1917–1920 гг. на территории Украины возникло не менее полутора десятков различных государственных образований. Многие из них имели ярко выраженную национальную украинскую ориентацию: Украинская Народная Республика (УНР), Западно-Украинская Народная Республика (ЗУНР), Украинская Держава гетмана П. Скоропадского, Украинская Народная Республика периода Директории.

Но ни одно из этих государств не оказалось столь жизнеспособным и долговечным, как советский украинский проект. Заложенный в годы Гражданской войны, он набрал особую силу в середине — второй половине 1920-х годов, когда политика всеобщей «коренизации» достигла небывалых успехов в формировании новой украинской идентичности. Даже в современной украинской историографии этот период именуется не иначе как «украинское возрождение».

В чем были причины успеха? Для многих они в течение долгого времени оставались загадкой, тем более что наиболее яркие лидеры советской Украины еще совсем незадолго до этого, в 1917–1918 гг., принадлежали к лагерю противников большевиков.

Известный украинский поэт Павло Тычина, в 1918 г. клеймивший советскую власть за жестокость развязанной ею Гражданской войны, позднее не только стал апологетом

Сталина, но и главой украинского Института литературы и бессменным председателем Верховного Совета УССР. Профессор Львовского университета Михаил Грушевский, с трибуны Рады громогласно обвинявший большевиков в наступлении на «свободу» молодой Украинской республики, позже «признал» свои ошибки и в 1920-е годы трудился в роли председателя Украинской Академии наук. Даже революционер Владимир Винниченко, «украинский Герберт Уэллс», чьи утопичные идеи, казалось, не имели ничего общего с создаваемым большевиками «коммунистическим раем», в 1921 г. написал в ЦК партии покаянное письмо.

Удивительные метаморфозы происходили с украинскими революционерами, писателями и поэтами, политиками и публицистами. Вернувшиеся вслед за М.С. Грушевским в УССР выходцы из Галиции заняли руководящие посты в украинском Наркомате народного просвещения, редакциях газет и журналов, библиотеках, структурах Украинской Академии наук. В одном из частных писем М.С. Грушевский указывал на огромное число своих последователей, вернувшихся вместе с ним в Советский Союз, — до 50 тыс. человек. Это было неудивительно, учитывая, что советской власти элементарно не хватало квалифицированных кадров для проведения масштабной украинизации.

Благодаря привлечению творческих сил своих бывших оппонентов, большевикам в начале 1920-х годов фактически удалось создать фундамент новой советской Украины. Основные контуры этого государства, как и его наиболее характерные черты — обязательное изучение украинского языка госслужащими, украинизация школы, периодической печати, официального делопроизводства, выдвижение титульных кадров на руководящие посты, — оставались неизменными на протяжении последующих десятилетий.

К началу НЭПа необходимо было лишь закрепить достигнутые в годы Гражданской войны результаты, к чему и призвали решения XII съезда РКП (б), провозгласившего в апреле 1923 г. курс на проведение политики всеобщей «коренизации».

Политика большевиков в украинском вопросе в 1917–1923 гг. прошла через несколько самостоятельных этапов, значительно различавшихся между собой. В начале Гражданской войны Украина не имела даже собственной партийной организации, т.к. Киевский партийный комитет был всего лишь одной из территориальных структур РСДРП. Национальные вопросы ни в коей мере не считались приоритетными в работе киевских большевиков. Лидер Киевского комитета РСДРП Г.Л. Пятаков еще летом 1917 г. заявлял, что «и речи не может быть про какую-то там Украину, т.к. все это выдумка националистов» [Документи... с. 17]. Расхождения по национальному вопросу с В.И. Лениным, которые у Пятакова обнаружились задолго до революции, не раз становились предметом острой дискуссии между ними. На VII Всероссийской конференции РСДРП в апреле 1917 г. Пятаков вступил в полемику и с И.В. Сталиным, выдвигая радикальный лозунг «Прочь границы». Резолюция Пятакова не была принята участниками, победила точка зрения Сталина, который отстаивал ленинский принцип национального самоопределения [см.: Сталин, т. 3, с. 48].

После победы большевиков в Петрограде Киевский комитет вступил в непримиримый конфликт с Центральной Радой, что достаточно быстро привело к вооруженному противостоянию. В конце 1917 г. Рада была объявлена советским правительством «буржуазной» (хотя сплошь состояла из социалистов), а федерализм многих ее участников большевики полностью игнорировали. Трагедия Киева, после его занятия войсками красных под командованием М.А. Муравьева в январе 1918 г., нисколько не изменила мнение местных большевистских лидеров. Развязанный большевиками красный террор лишал новую власть поддержки населения, а «вместо Советов, — как выразился современник, — управляли революционные комитеты и разные комиссары» [Чериковер, с. 108].

Очевидец событий, историк и журналист Николай Полетика в своих воспоминаниях подробно описал знакомство киевлян с властью большевиков: «Первое впечатление от носителей советской власти — солдат Муравьева — было потрясающим. По Киеву ходила в списках поэма Александра Блока “Двенадцать”. Люди, читавшие ее, со страхом и любопытством сравнивали двенадцать героев поэмы Блока с солдатами Муравьева. Разница между ними заключалась лишь в том, что Блок идеализировал и опоэтизировал своих героев, приписав им свои мессианистические настроения, которых на самом деле ни у «Двенадцати», ни у солдат Муравьева не было» [Полетика]. Вместо «мессианских настроений» войска Муравьева принесли в Киев «классовый террор» [Там же].

Репрессии коснулись не только «классовых врагов» — офицеров, чиновников, буржуазии, но и представителей украинских социалистов. Однако опасность зарождения в социальном конфликте этнической составляющей не была вовремя замечена. Г.Л. Пятаков и Е.Б. Бош по-прежнему были убеждены, что социальное освобождение гораздо важнее «национальной борьбы», которую они считали пережитком буржуазной эпохи.

Лишь серия тяжелых поражений весны-лета 1918 г. побудила советское руководство пересмотреть свою политику на Украине. Первый учредительный съезд КП(б)У состоялся в июле 1918 г. в Москве и стал важным этапом в деле мобилизации украинских национальных кадров. Секретарем организационного бюро съезда был избран Николай Скрипник — сторонник самостоятельной украинской республики, политики украинизации и отдельной украинской компартии. Осенью 1918 г. руководство РСФСР приняло решение сформировать новое украинское советское правительство. Временное рабоче-крестьянское правительство Украины было образовано в Курске 28 ноября 1918 г. Поначалу его возглавил Г.Л. Пятаков, однако вскоре он был заменен Христианом Раковским, обрусевшим болгаринном, родившимся в Османской империи. Этот опытный революционер, хорошо известный своей деятельностью в «Автономной коллегии по борьбе с румынской и украинской контрреволюцией» в Одессе, казался более подходящей фигурой, чем непредсказуемый Пятаков. В декабре 1918 г., после падения гетманского режима, большевики уже во второй раз были готовы к вооруженному походу на Украину.

Переломным для решения украинского вопроса стал 1919 г., когда советская власть на Украине столкнулась сразу с несколькими противниками — С.В. Петлюрой, А.И. Де-

никиным и многочисленными повстанческими атаманами. Как признавал в одном из своих выступлений Л. Троцкий, «намного труднее дело обстояло при втором походе на Украину, потому что мы готовились воевать с гетманом, а пришлось иметь дело с Петлюрой». Поначалу руководимые В.А. Антоновым-Овсеенко советские войска имели успех, особенно после того как к ним присоединились главные лидеры партизанского движения — Н.А. Григорьев и Н.И. Махно. К июню 1919 г. большевики сумели установить контроль почти над всей Украиной. Однако затем наступила долгая полоса разочарований и неудач.

Как и в 1918 г., большевистское правительство (Х. Раковского) не смогло привлечь на свою сторону левую украинскую интеллигенцию и те силы, которые позднее влились в партию боротьбистов. Местные социал-демократы, украинские эсеры и анархисты не скрывали своего разочарования: чрезвычайные комиссии и продотряды оказались не лучшей альтернативой гетману и германской оккупации. Украинские крестьяне оказывали сопротивление насильственной коллективизации и изъятию «излишков», и спустя всего несколько месяцев тыл Красной армии на Украине был охвачен огромным антибольшевистским восстанием. Наступление А.И. Деникина, совпавшее по времени с этим народным движением, вновь изменило соотношение сил. Советская власть на Украине пала в третий раз, сумев продержаться чуть более семи месяцев.

Поражение большевиков на Украине летом 1919 г., временный успех Деникина, укрепление Петлюры на Правобережье побудили советское руководство полностью пересмотреть свою политику в национальном вопросе. По распоряжению В.И. Ленина, в середине августа 1919 г. украинское советское правительство было расформировано, а его члены вернулись в Москву. Один из лидеров советской Украины, Д.З. Мануильский, с горечью отмечал: «Каждую весну мы снаряжаем на Украину очередную труппу, которая, совершив турне, возвращается в Москву осенью» [Субтельний].

Для большевистской элиты было очевидно, что необходимо прибегнуть к новым идеям и новым кадровым решениям. Крайне важным шагом в этих условиях стала поддержка большевиками местной «национальной культуры», провозглашенная несколькими программными документами в 1919 г. В проекте тезисов ЦК РКП (б) «О политике на Украине» 21 ноября 1919 г. провозглашалась «Величайшая осторожность в отношении к националистским традициям, строжайшее соблюдение равенства украинского языка и культуры, обязательство изучать украинский язык для всех должностных лиц» [цит. по: Амиантов, с. 199].

Уступки «украинству» должны были носить тактический и временный характер. «Пока, — отмечалось в документе, — самостоятельная Украинская Социалистическая Советская Республика, в тесной федерации с РСФСР». Предполагалось поставить под строгий контроль украинские культурные организации и способствовать расслоению украинского села с выделением дружественных советской власти элементов [Там же].

Соблазн перессорить своих противников был для большевиков слишком велик, чтобы им не воспользоваться. Необходимо было получить поддержку многомиллионного

украинского крестьянства, максимально смягчив тот «образ коммуны», который несли с собой большевистские комиссары. И если для подрыва доверия к Деникину было достаточно одного указания на реакционный и контрреволюционный характер его власти, то для дискредитации Петлюры советская власть пошла на полное признание «национальных, культурных и языковых прав украинского народа».

Новая политика, по мнению советских вождей, должна была окончательно дискредитировать прежние национальные проекты на Украине и лишить их возможной поддержки в будущем. «Украина, — утверждал Лев Троцкий, — должна быть нашей, и нашей она будет только тогда, когда будет советской, а Петлюра вышиблен из памяти народа навсегда». Тот факт, что «бывшие петлюровцы» оказались в рядах союзников большевиков, апологета мировой революции нисколько не смущал.

В подробной инструкции советским агитаторам, направляемым на Украину осенью 1919 г., Троцкий указывал на трудность и ответственность их работы: «То, о чем мы здесь — в России — говорим совершенно открыто, в Украине можно шептать лишь на ухо, а то лучше и совсем не говорить. Умение молчать есть тоже одна из фигур красноречия. Вы, товарищи, отправляетесь на Украину. Помните же, что нет труднее работы агитаторской, как на Украине. В третий раз мы посылаем сильные кадры туда и каждый раз все с новой тактикой и новыми приемами» [цит. по: Праці... с. 149].

Наиболее болезненный для украинского крестьянства вопрос о коллективизации предполагалось отложить на будущее — «пока наша власть не окрепнет». Троцкий призывал своих соратников активно использовать националистические настроения: «В противовес «самостийнику» Петлюре и другим говорить — что Россия тоже признает самостийность Украины, но с советской властью, а Петлюра продает Украину буржуазным государствам» [Там же].

«Труднее дело обстоит с Петлюрой, — предупреждал агитаторов глава Реввоенсовета, — так как украинское крестьянство на него и надеется. Нужно быть осторожными. Только дурак или провокатор без разбора везде и всюду будет твердить, что мы воюем с Петлюрой. Иногда, покуда не разбит Деникин, выгодно распускать слухи, что советская власть в союзе с Петлюрой» [Праці... с. 150]. «Для достижения намеченной цели, — напутствовал своих соратников Л. Троцкий, — все средства одинаково хороши» [Праці... с. 151].

Ключевым моментом в этой политике стала организация в августе 1919 г. партии «боротьбистов» на базе Украинской партии социалистов-революционеров (левых), как промежуточного звена между большевиками и национально ориентированными силами. Лидеры боротьбистов исповедовали собственную идеологию «украинского национал-коммунизма», а в марте 1920 г. их партия слилась с КП(б)У. Союз с боротьбистами давал возможность ускорить окончание Гражданской войны, разгромить армию Деникина и нанести поражение националистам во главе с С. Петлюрой. Пойдя на уступки в национальном вопросе, большевики могли теперь приступить к полноценному государственному строительству.

В письме «Рабочим и крестьянам Украины по поводу победы над Деникиным» 28 декабря 1919 г. В.И. Ленин указывал на преимущества такого союза: «Боротьбисты отличаются от большевиков, между прочим, тем, что отстаивают безусловную независимость Украины. Большевики из-за этого не делают предмета расхождения и разъединения, в этом не видят никакой помехи дружной пролетарской работе. Было бы единство в борьбе против ига капитала, за диктатуру пролетариата, а из-за вопроса о национальных границах, о федеративной или иной связи между государствами коммунисты расходиться не должны. Среди большевиков есть сторонники полной независимости Украины, есть сторонники более или менее тесной федеративной связи, есть сторонники полного слияния Украины с Россией» [Известия ВЦИК].

Протягивая руку боротьбистам (нередко — бывшим петлюровцам), советская власть одновременно решала и кадровый вопрос. Яркой иллюстрацией произошедших в украинской элите изменений стали биографии видных партийных деятелей УССР, вышедших из националистической среды.

Так, один из друзей Павла Тычины, поэт Владимир Эллан (Блакитный), стал в 1920 г. членом КП(б) Украины, редактором украинских газет и журналов и признанным «экспертом» в украинском вопросе. А один из бывших лидеров левого крыла Украинской партии социалистов-революционеров А.Я. Шумский в 1920 г. вошел в состав президиума ЦИК Украины и Политбюро ЦК КП(б)У. В 1921–1923 годах он занимал должность полпреда УССР в Польше, с 1924 г. — возглавил Наркомат просвещения Украины и активно проводил политику украинизации.

Знаменитый украинский кинорежиссер Александр Довженко (1894–1956) в годы Гражданской войны служил добровольцем в армии УНР — сохранились свидетельства о его участии в штурме киевского «Арсенала». В начале 1920 г. он вступил в партию боротьбистов, а позднее оказался в рядах КП(б)У, возглавив партийную школу в Житомире. По его собственному признанию, «украинское сепаратистское буржуазное движение казалось мне в ту пору самым крайним революционным движением, самым левым, следовательно, самым лучшим... О коммунизме я ничего не знал, и если бы меня спросили тогда, кто такой Маркс, я ответил бы, что это, пожалуй, издатель различных книг... Таким образом, я вошел в революцию не в ту дверь» [Довженко...]. Бурное революционное прошлое и мирная работа на административных должностях в 1920-е годы оказались для всех этих людей типичной страницей биографии.

Впрочем, руководителями процесса украинизации в разное время оставались деятели, культурно очень далекие от Украины: Христиан Раковский, Лев Троцкий, Лазарь Каганович и глава Наркомата по делам национальностей Иосиф Сталин.

Выступая на историческом X съезде РКП (б) в марте 1921 г., И. Сталин представил ситуацию в национальном вопросе на Украине так: «А недавно еще говорилось, что украинская республика и украинская национальность — выдумка немцев. Между тем ясно, что украинская национальность существует, и развитие ее культуры составляет обязанность коммунистов. Нельзя идти против истории. Ясно, что если в городах Укра-

ины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы» [Сталин, т. 5, с. 49].

Логическим завершением такой политики были решения XII съезда РКП (б) в апреле 1923 г., после которого коренизация стала официальной линией партии в национальном вопросе. Главным врагом советского государства был объявлен «национальный шовинизм», в первую очередь «великорусский».

Опасность роста сепаратизма и националистических настроений в республиках признавалась участниками съезда несущественной. По словам главного докладчика по национальному вопросу, И.В. Сталина, местный национализм «является реакцией на национализм великорусский, ответом на него, известной обороной». Для укрепления советского государства необходима борьба именно с ним, «ибо если мы его свалим, то на 9/10 свалим и тот национализм, который сохранился и который развивается в отдельных республиках» [Двенадцатый съезд РКП(б), с. 494-495].

Что же касается «природных» украинцев, то в их среде в начале 1920-х укреплялось представление, что украинизация периода Гражданской войны была (и должна была быть) тактическим ходом большевиков, призванным обеспечить их победу в конфликте с оппонентами — в первую очередь украинскими националистами. Разгром С. Петлюры, эвакуация остатков его войск в Польшу, казалось, снимали всякую необходимость продолжать такую политику в будущем.

Весьма показательным в этом отношении является письмо украинского большевика Д.З. Мануильского И.В. Сталину от 22 сентября 1922 г. В этом небольшом, но поразительном по откровенности документе секретарь ЦК КП(б) Украины выступил со смелым предложением — рассмотреть вопрос о «ликвидации самостоятельных республик и замене их широкой реальной автономией». «Образование на окраинах самостоятельных республик со своими ЦИК и Совнаркомом, — писал Мануильский, — отвечало определенному этапу нашей революции, который было бы неточно назвать «национальным» этапом, но в период которого пролетарской диктатуре пришлось развязывать национальный вопрос. Это была неизбежная уступка национальной стихии, приведенной революцией в движение и которая, опираясь на недовольство крестьянской массы, могла превратиться в серьезную Вандею. ...Несомненно, что введение сейчас автономии, там, где существовал режим «самостоятельности», отразится на темпе того перелома, который мы называем «сменовеховством». В наших окраинных республиках, в частности, в Украине, «сменовеховство» запоздало в силу национальных моментов. Введение автономии задержит еще на некоторое время украинскую смену вех, но никакого серьезного движения в смысле оппозиции к этому курсу не вызовет, ибо почвы у украинской интеллигенции нет. Украинский мужик «национальным» вопросом не интересуется и больше принимать участие в бандах политического характера не хочет» [Документы... с. 530].

Хотя руководство УССР не приняло предложение старого украинского революционера, в наличии такого подхода не было ничего удивительного. Подготовка к образо-

ванию СССР была воспринята многими партийными деятелями как шаг к восстановлению дореволюционной государственной модели. Более того, накануне XII съезда часть украинской партийной элиты выступала категорически против насильственной украинизации.

Видный советский деятель, член ЦК КП(б)У Эммануил Квириг в 1922 г. опубликовал статью «Национальные моменты», в которой предложил свою точку зрения на национальный вопрос. По его мнению, «некоторые товарищи выдвигают принцип усиленной украинизации», и в этих предложениях «сильно отдает украинским шовинизмом», поскольку «вопрос ставится о прямом покровительстве одной культуре и искусственном ее насаждении» [Борисенко]. Квириг был убежден, что «сама по себе украинская культура настолько сильна, что не нуждается в искусственной поддержке для своего естественного развития». По словам Квирига, «взаимодействие культур украинской и русской, что сейчас имеет место на Украине, приносит пользу, а не вред, давая Украине полную возможность пользоваться всеми достижениями более сильной России» [Там же].

Сходную позицию занимал и второй секретарь ЦК КП(б)У Д.З. Лебедь, ставший автором концепции «борьбы двух культур» и выступавший против «украинизации во имя украинизации». Он призывал не превращать язык в «средство проведения национализма» и различать культурные потребности населения и амбиции «некоторых членов нашей партии». Однако этот подход на XII съезде был полностью отвергнут, хотя, несомненно, он нес в себе гораздо больше разумного, чем принятые съездом резолюции.

«Федерализм», всегда бывший частью идеологии украинских революционеров, не смог победить «национализм», и даже его консервация в 1930-е годы ничего не изменила в развитии украинской национальной модели. В конечном итоге именно советский проект оказался единственным успешным опытом государственного строительства для Украины в XX в. Это проект был элитарным порождением партийно-бюрократической машины, а его строителями, как уже было отмечено, часто выступали политики далекие от Украины и ее интересов. После падения СССР издержки советского нациестроительства уже не раз становились источниками кризисов. К сожалению, негативный потенциал этого наследия еще далеко не исчерпан.

Как справедливо заметил родоначальник украинских социалистов Михаил Драгоманов, всегда выступавший против раскалывавших общество национальных проектов, «сама по себе идея национальности еще не может привести людей к свободе и правде для всех. Нужно искать что-то другое» [Драгоманов, с. 13].

В поиске этого «другого» Украина находилась все годы существования советской власти. Обретение свободы и правды особенно актуально для украинского государства сегодня, когда страна в очередной раз очищает себя от «имперских наслоений», но не собирается отказываться от культурных достижений советской эпохи.

Литература

- Амиантов Ю.Н. и др.* В. И. Ленин. Неизвестные документы (1891–1922). М. 2000.
- Борисенок Е.Ю.* Концепции «украинизации» и их реализация в национальной политике в государствах восточноевропейского региона (1918–1941 гг.). М. 2015. — URL: scicenter.online/sovetskaya-ukraina-scicenter/kurs-ukrainizatsiyu-xii-syezd-soveschanie-148174.html (дата обращения: 23.05.2019).
- Бош Е.* Год борьбы. Борьба за власть на Украине с апреля 1917 г. до немецкой оккупации. М. 1925.
- Винниченко В.* Відродження нації. Ч. 1. Київ. 1920.
- Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Под общ. ред. А.Н. Яковлева. Сост. А.Н. Артизов, О.В. Наумов. М. 1999.
- Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М. 1968.
- Довженко Александр Петрович.* 29.08.1894 — 25.11.1956. — URL: odesafilmstudio.com.ua/ru/about/persons/dovzhenko (дата обращения: 23.05.2019).
- Документи трагічної історії України (1917–1927 рр.) / ред. упоряд. Бачинський П.П. К. 1999.
- Драгоманов М.П.* Чудацькі думки про українську національну справу. Львів. 1892.
- Зеленковский И.Ф.* К вопросу формирования ментального портрета и цивилизационного выбора постсоветских элит. // Журнал социальных и гуманитарных наук «Аспект». 2017. № 4. Известия ВЦИК. №3, 4 января 1920 г.
- Ключевский В.О.* Сочинения в девяти томах. Т. 1. М. 1987.
- Котенко А.Л., Мартынюк О.В., Миллер А.И.* «Малоросс»: эволюция понятия до Первой мировой войны // Новое литературное обозрение. 2011. Вып. 2 (108). С. 9–27.
- Неменский О.* Эволюция русской и украинской идентичности на Украине после Евромайдана. // Вопросы национализма. 2015. № 4(24). С. 26–34.
- Омельяничук И.В.* Национальный вопрос в идеологии черносотенных партий // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки». 2005. Т. 18 (57). №3. С. 90–97. — URL: sn-law.cfuv.ru/wp-content/uploads/2016/12/012omelyanchuk.pdf (дата обращения: 23.05.2019).
- Полетика Н.* Воспоминания. Киев. 1993. — URL: lib.ru/MEMUARY/POLETIKA/wospominaiya.txt (дата обращения: 23.05.2019).
- Порошенко: законы о декоммунизации освобождают от «имперских наслоений». — URL: bbc.com/ukrainian/rolling_news_russian/2015/05/150517_ru_n_communist_terror_poroshenko (дата обращения: 23.05.2019).
- Праці Українського Наукового Інституту. Т. XIII. Варшава. 1932.
- Сборник Киевского Клуба Русских Националистов. Вып. 3. Киев. 1911.
- Соколов Л.* Русский язык для Украины — не иностранный. — URL: oko-planet.su/politik/politikday/print:page,1,9339-leonid-sokolov-russkij-yazyk-dlya-ukrainy-ne.html (дата обращения: 23.05.2019).
- Сталин И.В.* Сочинения. Т. 3. М.1946.
- Сталин И.В.* Сочинения. Т. 5. М.1947.
- Субтельний О.* Україна: історія. К. 1991. — URL: resource.history.org.ua/item/0007560 (дата обращения: 23.05.2019).

Украина снимает Ленина. Россия славит Сталина. — URL: svoboda.org/a/26955779.html (дата обращения: 23.05.2019).

Чериковер И.М. История погромного движения на Украине 1917–1921 гг. Т. 1. Антисемитизм и погромы на Украине 1917–1918 гг. Берлин. 1923.

Шевельов Ю. Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900-1941). Стан і статус. (3) — URL: zbruc.eu/node/68984 (дата обращения: 23.05.2019).

Шульга Н. Дрейф на обочину. Двадцать лет общественных изменений в Украине. Киев. ООО «Друкарня “Бізнесполіграф”». 2011.

Rawita-Gawroński Fr. Kozaczyzna ukrainna w Rzeczypospolitej Polskiej do końca XVIII-go wieku. Zarys polityczno-historyczny. Warszawa, Gebethner i Wolff, 1922.